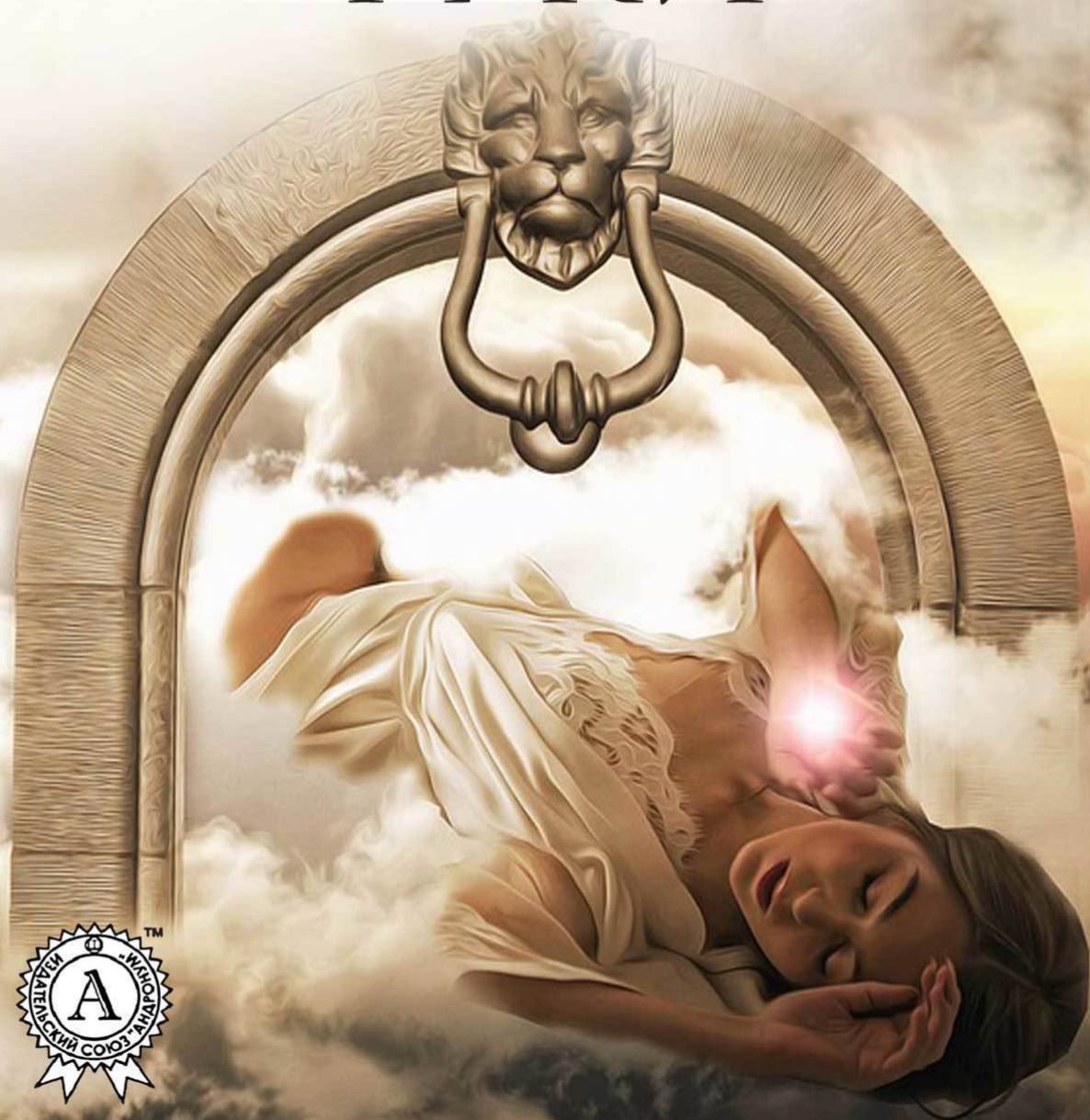

ОТДАМ ЛЮБОВЬ В ХОРОШИЕ РУКИ

МАРИНА СЕМЕНОВА

Марина Семенова

Отдам любовь в хорошие руки

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Семенова М. М.

Отдам любовь в хорошие руки / М. М. Семенова —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715505-5

Может ли женщина прожить без любви к мужчине? И без самого мужчины тоже? Без его поддержки, внимания, секса, в конце концов? Чем станет заполнять свое сердце и свои вечера? Все той же любовью - к детям, собакам, другим людям, к любимому делу. И не потому что мужчин вокруг нет, а потому что все они ей не интересны. Совсем. На протяжении всей книги Ирина доказывает себе и всем нам, что женская самодостаточность — не выдумка. И мы даже начинаем ей верить, а потом случается нечто такое..., что может случиться только в книгах Марины Семеновой.

ISBN 978-0-88-715505-5

© Семенова М. М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Марина Семенова

ОТДАМ ЛЮБОВЬ В ХОРОШИЕ РУКИ

Люди мечтают о разном. Одним хочется встретить настоящую любовь, ту, которая «однажды и на всю жизнь», другим не терпится получить отдельную квартиру или усестся за руль собственного авто, а кто-то спит и видит себя в кресле начальника. Многим мечтается отдохнуть в Санторини, а кое-кому – просто отдохнуть. Упасть между грядок с морковкой и ни о чем не думать. Ведь, мало у кого это получается – ни о чем не думать. Говорят, для этого существуют особые практики и специальные тренировки.

Не скажу, что и в моих мечтах всего этого нет – любви, машины, квартиры и белого на синем Санторини. Конечно – есть. Но, хочу я совсем другого. Больше всего на свете мне хочется подойти к своему мужу и произнести тихо, делая нужные паузы между словами, отвечающие правилам пунктуации и вкладываемого в них смысла: «Я ухожу от тебя, Коля». А потом – собрать чемоданы и уйти. Навсегда.

Вот уже пять лет я живу с человеком, которого не просто не люблю, а с трудом терплю, порой даже глухо ненавижу, особенно в те минуты, когда он принимается активно доказывать мне свое гендерное превосходство, стуча кулаком по столу или по двери ванной, в которой я от него прячусь. И тогда, муж срывает с этой двери шпингалет, выдирает беднягу с мясом, после чего он долго болтается на одном винтике, жалобно позвякивая, словно просит, чтобы его прикрутили обратно. И я прикручиваю, вооружившись дежурной отверткой «на крест». Я давно научилась разбираться в отвёртках, как и подобает женщинам, живущим с мужчинами, которым «на это наплевать». На это и на всё остальное. Они так и заявляют гордо: «Да мне плевать, что ты там думаешь (хочешь, говоришь, о чём мечтаешь и про что тревожишься)!»

В ванной я прячусь не от мужа, а от самой себя, вернее – от той ярости и отчаянья, которые накрывают меня с головой. Я боюсь, что однажды, не выдержав его пьяного ора, схвачу со стола кухонный нож, грязный, весь в останках ливерной колбасы, дешевого паштета, ошметков кильки в томате и ещё чего-то, трудно распознаваемого, чем Коля обычно закусывает, накладывая на огромный ломоть батона, перед тем, как отправить всё это в жадно ловящий еду рот, схвачу – и всажу в потный и рыхлый Колин живот, чуть повыше выступающего из-под майки пупка.

Чтобы всего этого однажды не произошло, мне и нужно уйти. Но, уходить мне некуда. Впрочем, существует ещё одна, более веская, причина, по которой я живу в одной квартире с этим совершенно чуждым мне человеком – я очень хочу родить ребенка.

«Зачем рожать ребенка от алкоголика?» – пожмет плечами каждый из вас, и будет прав в этом своём недоумении. А я возражу – Коля – не алкоголик. Напивается он достаточно редко и только лишь от тоски и отчаяния. На тоску и отчаяние у Коли есть свои причины. И одна из них – я. Вернее, моя нелюбовь к нему. Коля просто не знает, что я не люблю не только его, а всех мужчин без исключения. Абсолютно всех. Хотя, нет уверенности, что Коле станет легче, если он об этом узнает.

Ребенка я хотела всегда. Я хотела ребенка уже тогда, когда сама была маленькой девочкой. Подруги качали на руках пластмассовых кукол, напевая им тихие колыбельные, а я отказывалась нянчить игрушки, мечтая побыстрее вырасти и стать самой лучшей на свете мамой. А ещё, я доводила родителей до изнеможения вопросами: «Когда вы родите мне братика или сестричку?».

Хорошо помню угрюмого соседа, жившего на первом этаже нашего дома, которым глупые соседки пугали своих непослушных детей. Огромный, седой и злобный, с нечесанными кудрями и такой же, торчащей во все стороны, бородой, то ли цыган, то ли татарин, он жил

вдвоем со своей странноватой дочкой и ни с кем из соседей не общался. Поговаривали даже, что он принуждал к сожителству эту свою дочь, диковатую и нескладную, очень похожую на коротконогую лошадку пони. Правду говорили люди или нет, но, вскоре дочь соседа забеременела. От своего ли скудоумного отца или от кого другого – не известно. Забеременела – и к лету родила девочку. Родила, назвала Женькой и вскоре – исчезла.

Никогда мне не забыть этого затерянного судьбой ребенка, вечно голодного, немытого и абсолютно никому не нужного. Днями напролет Женька сидела у закрытого окна и выпрашивала у прохожих еду, жестами показывая на рот. Сердобольные соседи оставляли на её подоконнике хлеб, яблоки и конфеты, которые Женька забрать никак не могла, потому что окна в доме были наглухо заколочены гвоздями. По возвращении домой лохматый цыган-татарин сгребал громадными ручищами всё это пищевое милосердие и сбрасывал в палисадник, на радость крысам, котам и бродячим псам.

Тогда мне было лет семь-восемь, и хотела я только одного – чтобы нашего отвратительного соседа переехал автобус, трамвай или любое другое транспортное средство, и я бы смогла забрать Женьку к себе. Мечтала, как купая её в своей, томящейся без дела в недрах кладовки, ванночке, как укутываю в мягкое пушистое полотенце со слониками и осторожно расчесываю тугие, непослушные кудряшки. А, расчесав, вяжу на угольно-черные волосы огромный красный бант, словно ставлю храбрую точку во всей этой безотрадной истории. Тогда я ещё не знала – чтобы взять маленького человека к себе жить – одной любви и желания мало, к этому необходимо добавить великое множество справок и документов, и отбыть не одно заседание каких-то там специальных комиссий.

Мне было настолько жаль вечно голодную Женьку, что однажды я не вытерпела и, схватив оставленный отцом молоток, выбежала из дома. Примчавшись к томящейся на подоконнике Женьке, я отчаянно замахала руками, умоляя уйти подальше. Девочка послушно соскользнула в полумрак комнаты, а я размахнулась и что есть силы ударила молотком по оконному стеклу. Разлетевшись во все стороны, прозрачная крошка больно чиркнула по мне, оставляя на коже множество мелких ярко-красных следов. Но, я не чувствовала боли, я хватала хлеб, конфеты и печенье, оставленные соседями, и забрасывала всё это в темную дыру окна. Потом помчалась домой и выгребла из холодильника всю имеющуюся там еду. А вернувшись назад, стала метать вглубь квартиры сосиски с котлетами, помидоры и сыр, победно призывая:

– На, Женька, ешь! Ешь и ничего не бойся!

Вечером старый цыган-татарин безжалостно избил внучку за разбитое окно. Я слышала тихое поскуливание без вины виноватой Женьки в ответ на хлесткие удары дедового ремня, и сердце моё замирало от боли. А ещё, от вскипающей в нем злости. Перелившийся через край гнев заставил меня кинуться на защиту слабого. Я ломилась в двери косматого мучителя, колотилась в неё кулаками, иступленно дергала за старую проржавевшую ручку. Безрезультатно. Мой первый в жизни протест был просто проигнорирован. И тогда, в порыве отчаяния, я принялась метаться от одной двери к другой, призывая соседей выйти и заступиться за Женьку.

– Люди, чего вы боитесь?! Вас же много, а он один! – кричала я, стучась в закрытые квартиры и захлебываясь слезами от злости и бессилия. Но, ни одна соседская дверь для меня не открылась.

И, я снова помчалась за отцовским молотком, мысленно представляя, как ударяю им по седой немытой голове гадкого старика, как он падает замертво и превращается в дохлого таракана, которого я хороню в спичечном коробке под смородиновым кустом. Хорошо, пусть не в таракана, пусть – в крысу или паука. Но, я была твёрдо убеждена, что злодей непременно должен во что-нибудь превратиться, во что-нибудь такое – предельно мерзкое. Он же ведь не настоящий человек, а заколдованный, потому что настоящие люди не могут быть настолько злыми и бездушными. Это я тогда так думала, в своём далёком розовом детстве.

Отец отловил меня на пороге. Отобрал молоток, привел в комнату и приказал сесть и успокоиться. Я не могла успокоиться, я рыдала и кричала, что там Женька и, что её надо спасать. Тогда отец отвел меня в ванную, умыл и сказал, что пойдет сейчас к нашему соседу и поговорит с ним.

– И скажешь, чтобы он никогда больше так не делал? – спросила я, начиная успокаиваться и верить во всемогущество собственного отца. Ещё бы! Никто из соседей не смог заступиться за Женьку, а он сможет.

– Конечно, скажу, – заверил меня отец и отправил ужинать.

В ту ночь я спала очень крепко. Я была уверена, что добро победило зло, что Женька больше не будет сидеть взаперти, и мы сможем с ней вместе играть, читать книжки и закапывать секретки под смородиновым кустом.

Утром я увидела, что Женькино окно заколочено фанерой, а ещё узнала о том, что мой отец никуда не ходил и ни с кем не разговаривал. Случайно узнала, из его разговора с матерью. Они очень были озабочены такой моей повышенной впечатлительностью и даже имели намерение отвести меня к специалисту по детским неврозам.

Именно тогда, притаившись за кухонной дверью и слушая встревоженные родительские голоса, я возненавидела своего отца, а вместе с ним и всех на свете мужчин. Абсолютно всех. Молодых и старых. Высоких и маленьких. Косматых и лысых. Бездушных и трусливых. Всех, дающих обещания и не выполняющих их.

А потом я выросла. Выросла и Женька, превратившись в такого же пугливого оленёнка-подростка, как её исчезнувшая навсегда мать. И снова соседи стали судачить о том, что теперь «старый нехристь трахает свою бессловесную внучку». Наверняка никто ничего не знал и доказать не мог, поэтому так и не известно – было все это на самом деле или нет.

Не раз я призывала соседей составить коллективное письмо и натравить на деда-извращенца надлежащие органы, но, одно дело сплетничать на скамейке у подъезда, совсем другое – оставить на бумаге свою фамилию и подпись. Никто из соседей свою подпись оставлять не хотел.

– Ты, Ирка, народ не подбивай! Это всё их семейные дела. Если б Женька хотела, то сама бы заявление куда надо снесла. А коли молчит, значит ее все устраивает, – пояснила мне румяная тетя Поля, вытирая пухлые руки о цветастый передник и пиная ногой кота, нацелившегося на батон вареной колбасы, лежащей на краю стола.

– А может, она его боится?!

– Конечно боится, ты ручищу его видела. Не ручища, а ковш от экскаватора! Вот и народ боится. От этого косматого демона всего можно ожидать – подкараулит в темном подъезде и молоточком по маковке – тюк!

На словах «молоточком по маковке – тюк!» меня враз накрыли воспоминания, и я заметно поежилась.

– Замерзла девчоночка? Давай чайку налью, горяченького! – отозвалась тетя Поля. – И бутербродик с колбаской, а?

Кот мгновенно возбудился от слова «колбаска» и принялся кружить у ног хозяйки. Та щедрой рукой отхватила от батона жопку размером с кулак и подбросила её к потолку. Кот подпрыгнул, ухватил на лету падающий с небес мясной продукт и в считанные секунды сожрал, громко урча от пищевого экстаза.

– И не подавится жеж, зараза, – с любовью в голосе улыбнулась тетя Поля, а я поторопилась отказаться от предложенного мне угощения и, простившись, ушла.

Когда Женьке исполнилось шестнадцать, дед продал квартиру и, погрузив скудные пожитки в старый, неведомо откуда взявшийся, УАЗик, отбыл с внучкой в неизвестном направлении. С тех пор Женькин след был для меня навсегда потерян.

В то время мне стукнуло двадцать, и я стала нравиться не только мальчишкам-одногодкам, но и мужчинам, к которым по-прежнему испытывала стойкую неприязнь. Исключение составляли только мужчины-художники по причине моего сильнейшего пристрастия к живописи. С самого детства я жадно припадала взглядом к попадающимся мне на глаза репродукциям картин, могла часами зависать в книжных магазинах, подолгу всматриваясь в выставленные на витрине альбомы по искусству, а если очень повезет, то и листать их, едва касаясь подобострастными пальчиками прохладного глянца. Мне всегда очень хотелось самой научиться рисовать, но, отважилась я на это только годам к десяти. При этом все рисунки тщательно прятала от посторонних глаз из страха явить миру своё несовершенство. То, что они несовершенны – я знала наверняка, но, продолжала переводить горы бумаги в надежде открыть в себе талант художника.

Талант открываться не хотел. По окончании школы я решила больше не мучить себя напрасными надеждами и навсегда забыть о своей мечте. Решила, забыла – и отправилась учиться на искусствоведа.

Родители не одобрили моего выбора (профессия искусствоведа была для них непонятной и абсолютно бесполезной) и всячески демонстрировали мне это своё неодобрение. Но, к счастью, они вскоре уехали. Подались на север, куда выманил их давний друг отца, обещая и уважительную зарплату и отдельное жильё. Меня с собой не позвали, знали, что всё равно не поеду.

И я осталась одна в пустой двухкомнатной квартире. Пустота квартиры меня не только не пугала, но, удивительным образом – радовала. Мне нравилось начинать каждый свой день заново, с чистого листа, напрочь забывая, что было вчера и не планируя никакого завтра. Моя жизнь напоминала рисунки на воде или песочные замки, непрочные и мимолётные, как реинкарнация бабочки.

Подруг у меня не было. Сверстники считали меня весьма странноватой. Хотя, со временем, как я уже говорила, эта моя странность, как раз, и стала притягивать ко мне мужское народонаселение. Знаете, существуют на свете эдакие любители ребусов, разгадывающие женщин с особым азартом, а разгадав – мгновенно теряют к нам интерес. Меня разгадать не получилось никому, может быть оттого, что я сама про себя мало что понимала. В моём неокрепшем сознании всё постоянно менялось, рождалось и умирало, и то, что ещё вчера лежало на поверхности – на завтра уходило в глубину. Я была непредсказуема и переменчива, как туман, оставаясь неизменной лишь в своей преданности живописи и детям.

Соседи и их знакомые, а также знакомые их знакомых, без опаски оставляли на меня своих чад, зная, что Ваню или Аню вовремя накормят, переоденут в сухое, выгуляют и всячески развлекут. Мои карманы, как беличье дупло, всегда были забиты орешками и леденцами, которые я скармливала всем девчонкам и мальчишкам, встречающимся мне на жизненном пути.

Ещё будучи ученицей восьмого класса, я отправилась в детский дом с просьбой разрешить мне играть с малышами, помогать нянечкам и воспитателям, приносить сладости и подарки, словом, как-то участвовать в гуманном процессе возвращения нежных детских душ. Седая усталая директриса посмотрела на меня без всякого энтузиазма и спросила, кутаясь в рыжую, такую же старую, как ее хозяйка, шаль:

– Тебе что, совсем нечем заняться, девочка?

– Нет... ну почему нечем... есть конечно, – растерялась я.

– Вот и не нужно тебе сюда... незачем. Иди влюбляйся, бегай на свидания, на танцы, в кино! А здесь... Здесь так много горя, сиротства и боли, что не всем взрослым по силам.

Мне очень хотелось возразить ей, сказать, что «я сильная и что смогу», но, она опередила меня.

– А ещё, здесь очень много несправедливости, лжи, предательства, – она выдыхала все эти признания с горечью, с какой-то привычной, почти будничной, болью. – И жестокости, – добавила еще одно слово тихо, прошелестела одними только губами, и взгляд её стал непроницаемым, как фартук рентгенолога.

Мне снова захотелось ей возразить, но, она одним взмахом руки, предельно кратким, но, властным, погасила мой порыв. После чего подошла к окну, хозяйским взглядом окинула двор, куда на перемене с громким ором выкатились ученики, остервенело волгузя друг друга и катаясь по жухлой листве и, где осипшая от крика воспитательница бесплодно взывала к миролюбию – никто из детей на неё не обращал никакого внимания.

Директриса повернулась ко мне.

– Я пришла сюда после педучилища, совсем еще девчонкой, полной надежд и желания одарить любовью всех в ней нуждающихся. Малыши раздирали меня на части, каждый звал мамой и просил забрать к себе жить. Старшие устраивали всяческие проверки и регулярно пакостили, по мелочи и всерьез. Я рыдала ночами от жалости и обиды, и давала себе слово уйти, как только закончится учебный год. Но, не уходила.

Рассказчица поежилась и поплотнее укуталась в шаль. Мне же показалось, что она кутается в свои воспоминания.

– На третьем году в мой класс пришел новенький. Маленькое чудовище по имени Сева. Сева терроризировал не только своих сверстников, но, и малышей, которые боялись его, как огня. Он был не по-детски жесток, изобретателен и изворотлив. Я перепробовала все известные мне методы и приёмы воспитания, ночи напролет штудировав педагогическое наследие Сухомлинского, Макаренко и Никитиных. В то время я сильно увлеклась методикой итальянки Марии Монтессори, которая считала, что ребенку нужно дать полную свободу, понять, что ему интересно и всячески поддерживать в нём этот интерес. Я отчаянно боролась с непониманием и неприятием, чувствуя себя революционеркой от педагогики и получая от начальства выговор за выговором.

Директор подошла к шкафу, открыла его и обернулась ко мне:

– Чаю хочешь?

Мне не хотелось чаю, но, я понимала, что человеку нужно выговориться, и кивнула утвердительно. Хозяйка кабинета поставила на стол две чашки, вазочку с печеньем, потом снова сходилась к шкафу, достала из него коробку пакетированного чая и нажала на кнопку электрического чайника, прячущегося за фикусом от пожарного инспектора, затем вернулась обратно и, вынув из коробки два пакетика, разложила их по чашкам, аккуратно перекинув ниточки через край.

Чуть позже, не вынимая пакетика из чашки и придерживая пальцем намокшую ниточку, она сделала осторожный глоток и, перехватив мой взгляд, зачем-то пояснила: «Люблю, когда крепкий». А затем, немного помолчав, продолжила начатый рассказ:

– Я разговаривала с Севой часами. Он шел на контакт, смотрел на меня своими небесно-голубыми ангельскими глазами, абсолютно со всем соглашаясь, и тут же, выйдя за порог, превращался в маленького дьявола. И я стала одержима идеей достучаться до его каменного сердца, мне казалось, если я смогу, если у меня получится перевоспитать этого, не поддающегося никаким законам педагогики, ребенка, если выдержу этот экзамен, значит не зря пошла в профессию.

На День пограничника тогдашний директор пригласил к нам троих солдат с собаками. Умные зверюги несколько часов кряду демонстрировали свои лучшие качества, и детвора была от этого зрелища в полном восторге. Наблюдая за тем, как горят глаза девятилетнего Севы, я, рискуя схлопотать очередной выговор от начальства, в ближайшее воскресенье помчалась на птичий рынок и принесла оттуда крошечного щенка овчарки. Вместе с Севой мы мастерили ему домик на заднем дворе и, казалось, что мальчишка впервые был по-настоящему счастлив, –

она глубоко вдохнула, как перед погружением на большую глубину. – Утром ко мне примчалась уборщица с перекошенным от ужаса лицом, повторяя только одно: «Там... там... там такое...» Не в силах добиться от тети Мани вразумительного ответа, я кинулась на задний двор, туда, где уже толпились воспитанники и педагоги. При виде меня они безмолвно расступились. Я не сразу сообразила, что это лежит у них под ногами – багровое месиво, маленький растекшийся кровавый сгусток.

– Он с нее прямо с живой шкуру содрал, – шепнул мне на ухо физрук, и желваки обозначились на его бледном суровом лице. К горлу подступила тошнота. Я метнулась к ближайшим кустам, где меня рвало минут десять, выворачивая наизнанку все внутренности.

С неделю я обходила Севу стороной, не в силах заговорить о случившемся. По ночам снова штудировала очередные умные книжки по педагогике и воспитанию, ища похожие случаи и примеры. А потом, он сам подошёл ко мне и, как ни в чем не бывало, протянул раскрытую пачку печенья:

– Угощайтесь!

И я угостилась. Мы сидели в одном из классов на учительском столе и молча ели печенье. Съели всю пачку, и Сева сказал, щедро обмакнув меня в голубизну своих глаз:

– Знаете, о чём я мечтаю?

– О чём?

– Чтобы ты стала моей мамой. Я бы тогда стал совсем другой... Я был бы хороший.

Я растерялась, а он прижался ко мне всем телом, обнял за талию. Мы сидели так, я гладила его по жёсткому русому ёжику, а он меня – по руке. А потом, он настроил письмо в районно, где подробно описал, как воспитательница долго ласкала его, а потом вынудила сделать ей кунгилинус, угрожая свирепой расправой в случае, если он откажется.

– Вы же прекрасно понимаете, что я не верю ни единой его каракуле! Все знают вашего Сидорчука, как облупленного – ему прямая дорога из детдома в тюрьму, – устало отреагировала заведующая районно, комкая злополучное письмо, потом метнула его в стоящую у края стола мусорную корзину и спросила меня, чуть краснея. – Кстати, а что такое... кунгилинус?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.